

- защит Свердловской области). Ф. 1910. Оп. 4. Д. 126.
 14. ЦДООСО. Ф. 1910. Оп. 4. Д. 53.
 15. ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 111.
 16. ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 63.
 17. ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 39.

М.В. Булавин

Уральский государственный университет,
 г. Екатеринбург

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА СРЕДНЕГО УРАЛА В ПЕРИОД 1945–1957 ГГ.

Секуляризация в тех или иных ее формах является необходимой частью модернизации общества. В нашей стране периодом ее особенно быстрого осуществления стала советская эпоха. При этом качественный сдвиг в ходе модернизационных процессов пришелся на 1920–1930-е гг. – время грандиозного перелома в образе жизни многомиллионных масс и особой активности государства в деле разрушения народной религиозности. С началом Великой Отечественной войны антирелигиозная пропаганда и преследования церкви в СССР практически прекратились.

В этой связи крайне важным представляется исследование эволюции массовой религиозности в первый послевоенный период, до начала так называемых «хрущевских гонений» на православие, когда церковь, по общему мнению, пользовалась невиданной для атеистического государства свободой деятельности. Это дает нам возможность, в том числе и через сопоставление с другими периодами церковной истории, создать более полное представление о системе факторов, которые воздействовали на ход секуляризации в разное время.

Особый интерес вызывает изучение религиозности крестьянства, бывшего носителем традиционного мировоззрения в его наиболее чистом виде и, в связи с этим, одной из важных опор церкви в советском обществе. В своем анализе крестьянской религиозности мы опирались в основном на данные уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по Молотовской и Свердловской области. Эти материалы являются наиболее ценным источником сведений о состоянии религиозной обстановке на Среднем Урале в рассматриваемый период.

При знакомстве с ними возникает представление об общем кризисе сельских приходов уральских епархий, в первую очередь связанном с уменьшением количества прихожан. Падение посещаемости сельских храмов, в основном за счет молодежи, было зафиксировано еще в довоенное время (12, 79). Однако после войны оно проявилось в такой степени, что стало источником серьезных проблем для церкви. Малоимущие сельские храмы посещались по обычным воскресным дням 5–30 прихожанами, и только в крупные праздники число посетителей поднималось до 100–300 человек (4, 37). В их числе преобладали лица пожилых и старых возрастов, обычно малограмотные, физически немощные. В свою очередь, это создавало трудности в комплектовании церковных хоров, наборе церковнослужителей. Священник Царевский из дер. Симонята (Молотовская область) так описал эту беду своего прихода: «Ходят одни старухи, никто из них ничего прочесть не может, некого на клирос поставить, никто из них ни в зуб ногой» (7, 15).

Малое количество посетителей, помимо всего прочего, больно било по финансам сельских церквей. Многие сельские батюшки жаловались на изнурявшую их

морально и физически крайнюю бедность. По словам одного из них, священники подчас вынуждены были довольствоваться «пищей святого Антония», то есть жить впроголодь (4, 118). Епископ Товия, управлявший Свердловской и Челябинской епархиями, считал, что уже к началу 1950-х гг. значительная часть сельских приходов «дошла до ручки» (14, 134).

В значительной мере общий кризис сельских приходов объясним развитием секуляризации массового сознания, однако в его разрастании существенной была роль и демографического фактора. Послевоенное время стало в СССР периодом стремительной урбанизации общества. Например, если в 1939 г. сельское население Свердловской области составляло 40 % от общего числа жителей, то к 1959 г. его доля уменьшилась до 24 % (10, 5). Деревню покидали не только молодежь и люди среднего возраста – вместе с ними в города переезжали и пожилые члены их семей. Разумеется, это обстоятельство существенно осложняло с точки зрения властей религиозную обстановку в городах: наблюдался некоторый рост числа церковных треб, замедлилось, а в ряде мест и полностью прекратилось падение посещаемости храмов. Но это обстоятельство никак не улучшало бедственного положения большинства сельских приходов.

Тем не менее, ошибкой было бы описывать религиозную ситуацию в уральской деревне только в логике отступления церкви, сдачи ею своих позиций. Особенность времени как раз и состоит в сложном взаимопереплетении разнородных противоречивых процессов, причудливом напластовании черт архаики и модерна. Быстрота преобразований всех сторон жизни общества породила ситуацию сосуществования старого и нового даже в сознании отдельных людей. Применительно к крестьянам Среднего Урала данная особенность отмечалась еще в довоенное время: «здесь уживаются крайняя религиозная насыщенность, ревнивая забота о себе, как бы уберечься от соблазна и греха, от осквернения дьявола – и огромный интерес к общественно-политической жизни и знанию» (13, 77).

Кроме того, традиционное крестьянское мировоззрение в принципе достаточно медленно поддается новым веяниям. Этим объясняется не только все еще заметное место, которое религия занимала в повседневной жизни деревни Среднего Урала, но и наличие в структуре сельской религиозности ряда архаических, едва ли не средневековых черт.

Весьма показательными в этом плане являются описания ежегодных праздников близ с. Кольцово в Молотовской области, где, согласно местному преданию, еще в XIX в. была явлена чудотворная икона св. Николая Угодника. На праздновании в 1955 г. монахини, жившие при местной церкви, раздавали верующим куски плитняка, на поверхности которого можно было при большом усилии воображения различить «лики святых» и восклицали при этом: «Богоматерь с младенцем! Вот истинный лик Николая Чудотворца!» (8, 34).

Достаточно распространены были молебны о хорошей погоде и урожае. В отдельных случаях они служились совершенно официально, с приглашением священника колхозным начальством, при большом стечении народа (2, 57). Известно, что обряды, связанные с сельским хозяйством, исчезают одними из первых в ходе разрывания процессов секуляризации (11, 7). Присутствие такой обрядности в повседневной жизни уральских крестьян свидетельствует не только о тяжести, недостаточной технической оснащенности их труда, но и глубокой традиционности определенных пластов их мировоззрения.

Наконец, следует отметить и такое наглядное свидетельство значимости для крестьян традиционных норм

поведения, как обычай с большим размахом, иногда по несколько дней, отмечать крупные церковные праздники. Даже в тех деревнях и селах, где в ближайшей округе не было ни одной церкви, некоторые колхозники не выходили на работу в Пасху и Рождество (6, 17). Там же, где церковь действовала, масштабы празднований могли превосходить все самые смелые современные представления. В Добрянском районе Молотовской области население некоторых сельсоветов не работало примерно 150 дней в году (7, 55). Иногда сами власти, чувствуя невозможность противодействовать прогулам в дни церковных торжеств, фактически давали санкцию на их легальное превращение в дни отдыха. Так, в 1948 г. в Артинском районе Свердловской области правление колхоза им. Чапаева с ведома секретаря парторганизации Мангилева приняло решение о переносе выходного дня с воскресенья 4 января на Рождество (3, 11).

Таким образом, секуляризация крестьянства Среднего Урала не являлась процессом, лишенным противоречий, развивавшимся равномерно и без препятствий. Традиционное сознание уступало свои позиции крайне медленно и неохотно. Эта ситуация дополнительно консервировалась рядом обстоятельств. Во-первых, власти уделяли сравнительно слабое внимание антирелигиозной пропаганде. Само это понятие временно исчезло из официального лексикона, будучи замененным на «естественнонаучную пропаганду». Следует помнить, что и в довоенный период атеистическое движение встречало на пути своего развития огромные трудности организационного, финансового и другого характера. Теперь к ним добавились и все последствия достаточно длительного, почти пятнадцатилетнего перерыва в практике атеистической работы.

Несмотря на целый ряд постановлений уральских партийных органов об улучшении постановки пропаганды, уполномоченные Совета по делам РПЦ неоднократно констатировали, что на деле меняется немного: «Мало и редко читаются лекции, плохо работают культпросветучреждения, особенно в сельской местности» (5, 66). Например, из 1171 лекций, прочитанных в 1952 г. населению Кушвинского района Свердловской области, только 169 (14,4 %) имело естественнонаучную (необязательно собственно атеистическую!) тематику (6, 50).

Во-вторых, церковное богослужение по-прежнему продолжало выполнять традиционную для него эстетическо-развлекательную функцию, далеко не везде встречая достойную конкуренцию со стороны советской секулярной культуры. На эту сторону взаимодействия между церковью и обществом верно указывал в 1953 г. один из корреспондентов митрополита Вениамина (Федченкова): «Богослужение, пение, сами здания – все это очень красиво; надо прямо сказать, что наша советская сторона не может предложить что-либо равнозначное вместо всего этого. Быт ведь еще довольно труден. Театр очень хорош, но дорог, и попасть в него не так уж просто. Хорошие лекции, дискуссии и т. д. имеются, но все требует подготовки... Красоту же пения и обряда, которые дает церковь, просто нельзя заменить! Короче говоря, церковь сейчас дает нечто народу, нечто такое, чего очень большой процент народа не может получить в другом месте» (1, 370).

Разумеется, все эти соображения особенно были применимы к сельской местности с присущей ей слабостью культурной инфраструктуры. Эстетическое богатство церковного обряда привлекало не только пожилых крестьян, которые к тому времени уже привыкли смотреть на церковь как на «свой клуб», но и молодых людей. Так, в первой половине 1950-х гг. в г. Красноуфимске Свердловской области неоднократно отмечались случаи, «когда

колхозная молодежь, из некоторых ближних колхозов, группами приходила в церковь из любопытства, как на концерт» (9, 14). Именно недостаток других развлечений зачастую приводился крестьянами как довод в пользу посещения храма и празднования дней церковных торжеств. В колхозе им. Сталина (Пермско-Сергинский район Молотовской области) уполномоченному Совета по делам РПЦ так объяснили желание иметь у себя церковь: «У нас церкви нет, нам она не всем нужна, но у нас в такой большой деревне Мостовой... клуба нет, картины совсем не показывают» (7, 64).

Заметно, что официальный атеизм был далек от окончательной победы в среде крестьянства Среднего Урала. Но все же те препятствия, которые возникали на пути секуляризации деревни, не остановили ее хода полностью. Медленно, но неуклонно сокращался объем присутствия религии в жизни уральских крестьян. В сочетании с особенностями демографического развития региона, вызвавшими уменьшение количества прихожан, это уже в 1940–1950-е гг. привело к упадку сельских приходов и заметной «урбанизации религиозности». Православные обычаи в среде значительной части крестьянства приобрели значение яркой детали уральской повседневности, которая, однако, в новых условиях сравнительно мало сказывалась на общей религиозной обстановке.

Примечания

1. Вениамин (Федченков). *Записки архиепископа*. М., 2002.
2. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 336. Л. 57.
3. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 348. Л. 11.
4. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 645. Л. 37, 118.
5. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 656. Л. 66.
6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 913. Л. 17, 50.
7. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1144. Л. 15, 55, 64.
8. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1253. Л. 34.
9. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1262. Л. 14.
10. Свердловская область в цифрах. 1976–1980 годы. Статистический сборник. Свердловск, 1981.
11. Фурман Д.Е. *Религия и социальные конфликты в США*. М., 1981.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 139. Л. 79.
13. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 375. Л. 77.
14. Чумаченко Т.А. *Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг.* М., 1999.

А.Ф. Васенёв

*«Государственный архив общественно-политической документации Курганской области»,
г. Курган*

РАДИОВЕЩАНИЕ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

С первых дней советской власти коммунистическая партия использовала радиовещание не только в качестве средства связи и информации, но в большей степени как орудие массовой агитации и пропаганды.

Военные и послевоенные годы стали периодом окончательного закрепления за радио именно этой функции. Подавляющее время в сетке центрального радиовещания было выделено общественно-политическому сектору. Радиожурналист должен был быть в первую очередь «работником идеологического фронта», главная задача которого – «повседневное пропагандировать политику большевистской партии, составляющей жизненную основу советского строя...».

В Курганской области, как и в целом по стране, ра-